

КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В ЛИТЕРАТУРЕ

CULTURAL UNIVERSALS IN LITERATURE

Научная статья

УДК 81'27

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-8-19

Мифологема «Земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»

Юлия Викторовна Вайрах¹, Анна Владимировна Казорина²

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

²Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

¹vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>

²anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>

В статье рассматриваются аспекты внутреннего мира, ментальные образы, возникающие в связи с осмыслением художественного мира писателя. Дается анализ мифологема «земля» («мать-сыра-земля, родина, родная земля, природа), образная структура которой представлена в художественном пространстве романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». Языковые средства выражают мифологическую и символическую образность в художественном произведении. Цель исследования – проанализировать образы «своего», «родного» и «чужого», «неродного» мифологема «земля» в индивидуально-авторской картине мира В. С. Гроссмана. Выделение концептуальных связей мифологема «земля» отражает представления В. С. Гроссмана и его индивидуально-авторской картины мира, обнаруживает лингвокультурные смыслы национальной языковой картины мира. В исследовании мифологема «земля» рассматривается как индивидуально-авторское образование в художественном мире В. С. Гроссмана. Мифологемой «земля» представлено многомерное авторское понимание образов земли (образ родной земли, образ «мать-сыра-земля», образ родины, образ природы) как родовых маркеров метафорической образности мифологема земля. Они обнаруживают связь гроссмановского авторского мировидения и художественного мира произведения, в котором родовая связь поколений, защищающих матушку-землю, актуализируется во множественных контекстах. Поднимаемая тема в научной литературе не представлена, что определяет новизну исследования, в ходе которого применялись аналитический (анализ художественной образности произведения), дескриптивный (выделение в тексте языковых контекстов употребления слова «земля») и интерпретативный (истолкование смыслового универсума мифологема «земля») методы. В ходе исследования выделяется четыре семантических блока контекстов, систематизирующих родовую образность мифологема «земля»: образ родной земли, образ «мать-сыра-земля», образ родины, образ природы. Исследование образности мифологема «земля» посредством выделения родовой и мифологической образности представляется научно обоснованной необходимостью и перспективой дальнейших исследований индивидуально-авторской картины мира В. С. Гроссмана.

Ключевые слова: мифологема, мать-сыра-земля, земледelec, жница, родина-мать, родная земля, природа

Original article

Mythologeme "Earth" in the Novel "Life and Fate" by V. S. Grossman

Yuliya V. Vairakh¹, Anna V. Kazorina²¹Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia²Irkutsk State University, Irkutsk, Russia¹vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>²anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>

The article examines aspects of the inner world, mental images that arise in connection with the comprehension of the writer's artistic world. The study analyzes the mythologeme "Earth" ("mother moist earth, motherland, native land, nature"), the figurative structure of which is presented in the artistic space of the novel "Life and Fate" by V. S. Grossman. Linguistic means express mythological and symbolic imagery in a work of art. The purpose of the study is to analyze the images of "one's own", "native" and "alien", "non-native", which actualize the mythologeme "Earth" in the individual Grossman's picture of the world. Highlighting conceptual connections in the text shows the ideas of V. S. Grossman and his individual author's picture, reveals the linguocultural meanings of the national linguistic picture of the world. In our study, the mythologeme "Earth" is considered as an individual author's formation in the artistic world in the novel "Life and Fate" by V. S. Grossman. The mythologem "Earth" represents the author's multidimensional understanding of the images of the earth (the image of the native land, the image of "mother moist earth", the image of the motherland, the image of nature) as generic markers of the metaphorical imagery of the mythologem earth. In turn, they reveal the connection between Grossman's author's worldview and the artistic world of the work, in which the ancestral connection of generations protecting Mother Earth is actualized in multiple contexts. The topic raised is not presented in the scientific literature, which undoubtedly determines the novelty of the study, during which analytical, descriptive and interpretive methods were used. In the course of the study, four semantic blocks of contexts are identified that express the generic taxonomy of the imagery of the mythologeme "Earth" (the image of the native land, the image of "mother moist earth", the image of the motherland, the image of nature). The study of the imagery of the mythologeme "Earth" by identifying generic, mythological, theomorphic, ritual, ritual metaphors seems to be a scientifically based necessity and a prospect for further research into the individual author's picture of the world.

Keywords: mythologeme, mother moist earth, farmer, reaper, motherland, native land, nature

Введение. Статья посвящена описанию родовых образов мифологемы «земля», воплощённых в художественной картине мира. Исследователи сосредоточены на решении трёх задач: 1) проанализировать родовые образы мифологемы «земля», используемые В. С. Гроссманом; 2) выявить способы вербализации образности мифологемы «земля», которые есть в описании хода войны в художественном тексте; 3) соотнести образы земли, созданные В. С. Гроссманом, с существующими в русской лингвокультуре. Объектом исследования в статье выступают родовые экспликации образа земли: земли-матери, древнего образа «мать-сыра-земля», земли-родины, земли-природы. Предмет исследования – способы вербализации мифологемы «земля» посредством создаваемых образов.

Методология и методы исследования. В работе применяется аналитический (анализ художественной образности произведения), дескриптивный (выделение в тексте языковых контекстов употребления слова «земля») и интерпретативный (истолкование смыслового универсума мифологемы

«земля») методы. Материалом исследования послужили языковые контексты произведения «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана.

Роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» находится в центре внимания литературной критики. Большая часть исследовательских публикаций была посвящена изучению философии свободы в произведении. В литературно-критических работах по творчеству В. С. Гроссмана помимо осмысления мировоззрения писателя изучается конфликт автора романа «Жизнь и судьба» с идеологической системой, его отношение к редакционной политике изданий («Знамя» и «Новый мир») и особенности стиля В. С. Гроссмана.

А. Бонола отмечает, что лингвистический подход к тексту романа «Жизнь и судьба» оправдан тем, что «главная тема романа – борьба между отдельной личностью и тоталитарным государством, но одно из основных средств такой борьбы, как уже отмечено многими российскими и зарубежными исследователями (M. Głowiński [1], V. Klemperer [2], J. W. Young [3]) как раз коммуникация: в тоталитарном государстве

статус слова... тесно связан с властью» [4]. Литературная критика посвящена философскому осмыслению понятий: судьба, жизнь, свобода, нравственный выбор в произведениях В. С. Гроссмана (А. Popoff [5], М. Anissimov [6], F. Ellis [7], J. Garrard, C. Garrard [8], A. Beevor [9], Zh. Zhalieva [10], N. G. Elina [11]).

В критической оценке исследователей отмечается, что философия писателя близка философии экзистенциалистов XX в. (М. Хайдеггер, А. Камю), и обнаруживается влияние творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого на мировоззренческую концепцию писателя. Среди исследований романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» сравнительно мало работ, посвящённых поэтике произведения. В диссертации С. Н. Абдуллаевой «Особенности жанрово-стилевой репрезентации авторской позиции в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»» анализируется речевая структура произведения: функции изобразительно-выразительных средств, контраст и парадокс как основа авторской позиции [12]. Н. Л. Карпичева в работе «Проблематика и поэтика поздней новеллистики В. С. Гроссмана в контексте русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг.» обращается к анализу образно-смыслового поля рассказов В. С. Гроссмана в контексте проблемы тоталитарного государства и личной свободы человека [13].

Почти 30 лет роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» шёл к своему читателю, так как текст произведения в середине 1970-х гг. был вывезен за границу, а роман по крупицам восстанавливался из уцелевших фрагментов и был опубликован в 1980 г. в Швейцарии. В России роман был напечатан в 1988 г. в журнале «Октябрь». Грандиозная панорама народной жизни в период Великой Отечественной войны требовала от автора большого внимания к слову.

Индивидуально-авторская картина мира автора включает духовные концепты культуры и философские категории, размышления автора о судьбе, жизни, смерти, свободе и нравственном выборе. Многими учёными рассматривается художественный концепт как единица «индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованной в едином тексте творчества писателя». И. А. Тарасова в исследовании «Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на приме-

ре коротких рассказов американского писателя Д. Чивера)» рассматривает вопросы поэтического идиостиля; С. В. Манджиева в работе «Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на примере коротких рассказов американского писателя Д. Чивера)» выделяет специфические черты индивидуально-авторского концепта [15]; А. А. Адамчук в статье «Концепт и художественный концепт как лингвокогнитивные категории» анализирует художественный концепт [17].

По мнению лингвокультурологов, «язык осуществляет семиотизацию культурных смыслов, берущих начало в глубине веков, но когнитивно релевантных современному языковому сознанию» [22]. Согласимся с тем, что традиционно лексика обнаруживает взаимосвязь языка и культуры: «слова с особенно выразительной и обязательной «культурной нагрузкой» описываются под названием ключевых слов, культурем и лингвокультурем, а также культурных концептов» (подробнее об этом см.: [23]). Мифологема архаична, символична, образна и определяется как «часть мифа, утратившая чёткие черты в связи с забытостью исходного образа, сохранившая в фольклоре наиболее устойчивые признаки символа, восходящие к определённому сюжету или персонажу» [24, с. 131].

Цель исследования – описать образность мифологемы «земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». В работе М. В. Пименовой, Е. А. Мошиной выделяются значения мифологемы «мать-сыра-земля»: «1. Земная жизнь на этом свете. 2. Аграрная деятельность человека (пахота). 3. Семья – земная и небесная. 4. Ритуальная практика (клятва, ладанка; горсть / щепотка земли, перевозимая в новый край). 5. Смерть – похороны. 6. Рождение и возвращение в землю» [25, с. 138–151]. Е. А. Мошина опирается на индоевропейскую и общеславянскую природу концепта «земля» при описании концептуальных признаков: низ, пол/поверхность, носить на себе, обрабатываемая земля/почва. На основе этих признаков можно выделить и другие смыслы: место расселения, народ, род, войско, страна, государство, буква старославянского алфавита, мир и др. [26].

Экспликация родовых образов мифологемы «земля» впервые подвергается всестороннему анализу. Родовая образность

мифологемы «земля» воплощается в значении «защита земли», «защита родины», «защита земли-матери».

Результаты исследования и их об- суждение. Панорамное изображение гибели родной земли, родины, природы, народа, живущего на этой земле, требовало от автора романа сосредоточенности, ёмкости выражения смыслов, скрытых образов, мотивов, аллюзий, реминисценций и элементов авторского мифа. Внимание к языковой многослойности определило выбор концептуального анализа текстовой структуры.

Анализ мифологемы «земля» позволя- ет выделить в художественном тексте об- разные блоки родства:

Образный блок родства 1. «Родная земля, родное/неродное простран- ство». В мифологеме «земля» реализуется значение «поверхность», «низ», зафиксиро- ванное словарями и представленное в ро- мане. Лингвокультурный код мифологемы «земля» обнаруживается в составе лексем со значением «поверхность»: «над землёй стоял туман», «над поверхностью земли»¹. С признаком связан мотивирующий признак «почва»: «земля на рассвете стала влаж- ной», «вздвигались комья земли и глины», «клубящиеся земляные облака», «присыпал землёй», «Под землёй слышался гул назем- ной бури»². Авторское представление зем- ного пространства читается в локусе «Цар- ство Божье»: «труд приведёт к Царству Божьему на земле»³. В. С. Гроссман исполь- зует фразеологизмы: «ходить по земле», «жить на земле». Земля мыслится как род- ная земля, родное пространство, которое во время войны воспринимается как чужое или, наоборот, как близкое и родное, требу- ющее защиты.

В тексте В. С. Гроссмана родная «зем- ля» в символическом значении «простран- ство» реализуется через изображённые то- посы (Россия, Сталинград, Крым, Севасто- поль, Москва, Казань, Украина, немецкий лагерь, лагерь Дальстроя, Казахстан и др.); а также объекты природы (лес, луг, сад, тай- га, степь). Родную землю как обжитое про- странство в романе воспринимают Иконни- ков (*Эта была его давняя мечта, он верил, что сельскохозяйственный коммунистиче-*

ский труд приведёт к Царству Божьему на земле»)⁴ и Чепыжин в разговоре с Штрумом (*Возникнет преобладание живой массы Земли! Затем оживут планеты*)⁵. И Чепы- жин, и Иконников мечтают о преобразении мира, которое Иконников видит в созида- нии, а Чепыжин – в количественной эволю- ции человечества, которое скоро заполнит пространство земли и будет вынуждено ос- ваивать подземные пространства (*Человек, заселив пустыни, Арктику, станет ух- одить под землю, всё углубляя горизонты подземных городов и полей*)⁶. В утопических мечтах Чепыжина воссоздаётся ритуалема второго рождения по аналогии с существую- щими инициационными практиками.

Образность мифологемы «земля» в значении «родная земля, родное простран- ство» объективируется в образе Города. За- щитники Сталинграда в образе обороняю- щегося города объединяют все города, кото- рые необходимо защищать: Одесса, Сева- стополь, Москва. Сталинград – город-миф, обобщённый город, вобравший в себя при- знаки города-героя (*«Дремота смешала в памяти Крылова севастопольские и одес- ские бои, крик штурмующей румынской пе- хоты, мощённые камнем, поросшие плю- щом одесские двory и матросскую красо- ту Севастополя»*)⁷.

В. С. Гроссман пишет о Сталинграде: *«Мировой город отличается от других го- родов не только тем, что люди чувству- ют его связь с заводами и полями всего мира. Мировой город отличается тем, что у него есть душа. И в Сталинграде войны была заключена душа. Его душой была свобода»*⁸. Называя город на Волге мировым городом, автор создаёт душевный, очеловеченный и свободный город-миф: *«И в Сталинграде войны была заключена душа. Его душой была свобода»*⁹. Военный Сталинград представлен в романе как про- странство ада, потустороннего мира, про- странство смерти. Описание жизни и смер- ти в сражающемся Сталинграде передано через образы «кипящего чёрного котла», «огненной реки», «густой смоляной тьмы», «мрака», «оврага». В этом «потустороннем» мире воин похож на кузнеца: *«Он снял фу-*

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

ражку, провёл рукой по волосам и стал похож на потного деревенского кузнеца; искры прыгали над его курчавой головой»¹. В мифологии кузнец наделён сверхъестественными способностями колдовать и заговаривать. Отметим образ чертыхающегося Чуйкова, похожего в пламени Сталинграда на кузнеца, который орудует в адском пространстве.

Образный блок родства 2. «Мать».

В обзоре исследований о мифологеме «земля» обнаруживается преемственность теоморфных образов, которые восходят к поклонению Великой Богине-матери. Богиней земли и урожая считали Макошь (Мокошь), имя которой включает корень ма-. Позднее имя богини запрещалось произносить, и все именовали её Параскева-Пятница. В пятницу нельзя было пахать землю, так как в этот день отмечался священный праздник поклонения богине «Макошь». Табуированная форма имени «мать-сыра-земля» появилась в народном обиходе позднее в значении «прародительница», «мать-прародительница». М. В. Пименова определяет значение персонажа «мать-сыра-земля»: «В славянской мифологии известен древний персонаж Мать-сыра-земля. Сравнение земли с женщиной основано на том, что земля, подобно женщине, воспринимается как воспроизводящая сила природы, дающая урожай, кормящая людей, помогающая продолжать род и т. д.» [25]. В XX–XXI вв. образ матери семантически выражается в словах «родина», «родная земля». Концептуальное содержание метафорического образного ряда «мать – «земля» / нива / пашня» выражается земледельческими образами: образ земли-матери: «жательница», «жница», «жнея»; образы отца и сына: «землепашец», «пахарь», «сеятель», «жнец», «земледелец», «севец». В словаре Д. Н. Ушакова даётся определение понятия «севец» – «тот, кто сеет, кто занят севом чего-нибудь, сеяльщик»². Анализируемые образы земли-матери и отца-земледельца тесно связаны с образом земли-родины, на защите которой стоят сыны отечества и отцы. Сыны отечества стоят на защите родины и воюют на ратном поле.

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008.

В. С. Гроссман в романе безысходности и смерти противопоставляет любовь матери. Горе Людмилы Штрум духовно преображает и её: она живёт двойной жизнью, ожидая возвращения сына и не желая принять его смерть. Память матери становится соразмерной Вселенной: Людмила вспоминает свою работу в Астрономическом институте, о том, как она изучала метеоры. Но теперь эта научная деятельность не имеет никакого значения. Она, глядя на пронесившиеся в небе метеоры, загадывает, чтобы сын был жив.

Образ скорбящей матери имеет черты рождающей матери и матери – охранительницы, берегини, защитницы. Скорбящую мать отличает чувство скорби по тем, кто умер, и тем, кто ещё жив, но обречён. Писатель, используя аллюзии, противопоставляет жизнь женщин, переживших одинаковую трагедию. Образ страдающей матери обнаруживается в письмах матери к сыну: «Знаешь, друг мой, я всегда приучала тебя говорить мне правду, сын должен всегда говорить матери правду. Но и мать должна говорить сыну правду»³. Образ матери противопоставлен всему роду человеческого: «Все люди виноваты перед матерью, потерявшей на войне сына, и тщетно пробуют оправдаться перед ней на протяжении истории человечества»⁴.

Материнское отчаяние совершает чудо воскрешения: «Живое стало неживым. Живым во всём мире был лишь Толя»⁵; «Её отчаяние, подобно Богу, подняло лейтенанта из могилы, заполнило пустоту новыми звёздами»⁶.

Образный блок родства 3. «Убежище – родной дом». Мифологема «земля» в романе «Жизнь и судьба» образует ассоциативный ряд: жизнь, спасение, дом, защита, Родина. Характеристики земли реализуют идею защиты жизни, её сохранения: во время вражеского обстрела защитники Сталинграда прижимаются к земле; живут в землянках или подземельях. Блиндажи и окопы защищают землю от разрушения и смерти. Антропоцентричность образа земли подчёркивается в романе образами окопов и блиндажей, которые в войну заменяют человеку дом и начинают ассоциироваться

³ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

с человеком, который в нём нашёл убежище. *«Когда говорили о человеке, говорили и о его блиндаже»*¹, – пишет автор. Земля и «дом в земле» (окоп) говорят о человеке больше, чем черты его лица, поведение, привычки и слова. Очевидно, что война уничтожает привычные смыслы. В хаосе обороняющегося города человеческое видно в том, как человек обживается в бесчеловечных условиях: *«Толково сегодня Батюк поработал миномётами на Мамаевом кургане... И блиндажик, между прочим, у него: дверь дубовая, толстенная, как в сенате, умный человек»*²; *«А случалось, говорили о ком-нибудь так: – Ну что ж, потеснили его ночью, потерял ключевую позицию, связи с подразделениями не имел. Командный пункт его с воздуха виден, плащ-палатка вместо двери – от мух, можно сказать. Пустой человек, от него, я слышал, жена до войны ушла»*³.

Блиндаж становится символом жизни, условием выживания, вследствие чего требует от человека жизнеспособности, сопротивляемости, готовности к борьбе: *«Не для тепла и не в пример потомству строились сталинградские блиндажи. Вероятность встретить рассвет и час обеда грубо зависела от толщины блиндажных накатов»*. Блиндаж (выкопанная яма для живого человека) сравнивается в романе с ямой для погибшего – могилой, например: *«На переднем крае хоронили погибших, и убитые проводили первую ночь своего вечного сна рядом с блиндажами и укрытиями, где товарищи их писали письма, брились, ели хлеб, пили чай, мылись в самодельных банях»*⁴. В блиндажах и землянках идёт жизнь (родимцевский штаб, блиндаж у Батюка, рассказ про Жолудева). Автор вводит образ «журчащей реки крови», которая разливается в ямах, окопах, в земле: *«Никогда она не думала, что кровь бывает такой поразительно красной под солнцем. ...из ямы слышалось журчание крови, – она бежала по белым телам, как по белым камням»*⁵. Земля как последнее пристанище для погибших, так как они в условиях войны находятся рядом с живыми.

Живые торопятся не похоронить, а засыпать землёй умерших. Из-за вынужденной спешки у героев возникает чувство вины и стыда, однако такие похороны – единственное, что могут дать живые мёртвым, а *«те, что погибли в бою, в лесах, болотах, в овражках, в чистом поле, – тех, случалось, и не находили похоронщики, их хоронил песок, сухой лист, метель»*⁶. Это растворение человека в природе и исчезновение из памяти живых связывается с утратой земли, потерей возможности вернуться к ней и невозможностью воскрешения.

Мотив воскрешения проходит сквозной нитью в романе и связывается с мифологемой «умирающее и воскресающее божество», которая впервые была разработана в работе Д. Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». По мнению Д. Дж. Фрэзера, она произошла из аграрных культов (смерть и возрождение растительного мира) либо из ритуалов инициации. Смерть в мифах об умирающем и воскресающем божестве рассматривается как переход к обретению бессмертия, божественного духа, обновлению. Обряды, реактуализующие момент рождения, в народной среде использовались для исцеления человека. В романе В. Гроссмана есть пример такого исцеления: мальчик Давид узнаёт, что человека, поражённого молнией, можно откачать, засыпав землёй (*«В прошлом году Дебора поехала гостить к сестре в Кодыму, и её во время грозы ударило молнией; её откачивали, засыпали землёй, и она два часа лежала, как неживая, а этим летом родила ребёнка»*)⁷.

Описание кладбища реализует мифологему умирающего и воскресающего бога. Могил много, а таблички на кладбище напоминают Людмиле Штрум засеянное поле: *их однообразие и густота напоминали строй щедро взошедших на поле зерновых...*⁸ Этот образ табличек-колосьев на могильных холмиках связывается и с аграрными ритуалами, породившими мифологему, и с представлением войны как жатвы, характерной для мифологического сознания. Силой материнского отчаяния происходит в романе чудо воскрешения: *«Живое стало неживым. Живым во всём мире был лишь Толя. Но какая тишина стояла кругом. Знает ли он уже, что она пришла»*⁹; *«Её отчаяние, по-*

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

добно Богу, подняло лейтенанта из могилы, заполнило пустоту новыми звёздами»¹.

Образный блок родства 3. «Земля – природа, стихия, первичный элемент».

Ассоциативный ряд этого значения в романе связан с образами тумана, снега, пыли, клубов, праха. Все эти признаки в языке объединяются в значении «материально, тленное», в том числе и человек, и противопоставляются «божественному, духовному». В романе В. С. Гроссмана мифологема «земля» как временное, смертное, отжитого противопоставляется, с одной стороны, небесному, космическому, вечному, а с другой – вечному обновлению и движению. Впервые образ «праха» появляется в эпизоде пребывания Крымова на СталГРЭСе: в подземелье у командующего Спиридонова поют «Рабочую Марсельезу»: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног»². Этот гимн и исполнитель воспринимается присутствующими как отжившее и ненужное.

Прахом становится недавнее революционное прошлое, однако Крымова оно не отпускает: он долго не может заснуть, вспоминая 1924 год, похороны Ленина и всё то, что связано с первым советским вождём. В других эпизодах романа образы пыли, песка и пепла семантически связываются со значением «прах» как смертного, ушедшего, умершего. На кладбище, где похоронен сын Людмилы, над могилами кружится серая пыль. Под ногами Викторова хрустят прошлогодние листья – «пепел от той жизни, что взрывала почки»³, а в разгар боя из тумана и пыли появляются люди, пыль закрывает небо, землю.

Наконец, Чернецов и Мостовский в лагере понимают, что «смерть пылью занесёт всё, что было в долгой жизни»⁴, а Даренский, не привыкший передвигаться по степи, начинает осознавать, что в песках нечем интересоваться: «всё равно и завтра, и послезавтра, и через год будет песок»⁵. С землёй, пылью, пеплом в романе связаны туман: «не то пыль, не то туман стояли в воздухе»; «пыльный туман стоял

над степью»⁶; «затем снова серый туман стал багровым»⁷. Роман В. С. Гроссмана начинается с описания земли, которую невозможно увидеть из-за тумана как символа смерти и боли. Образ тумана у читателя ассоциативно связывается с телесным, человеческим. Этим образом предваряется в романе описание лагеря как мира бесплодного и неестественного. Дождь символизирует плодородие, связь неба и земли, а его отсутствие подчёркивает бесчеловечность лагерной жизни, её ненормальность.

Все эти примеры в романе выстраиваются градационно и обозначают неразрывную связь мифологема «земля» с временем и вечностью: прахом становится историческое время, календарное время, военное настоящее, человеческая жизнь. Наконец, прах из категории «временного, тленного» становится символом вечности.

Образ снега в романе В. Гроссмана актуализирует устойчивые образы савана, холода, смерти и обречённости: «падали в снег измождённые люди и уже не вставали»⁸; «Всю первую половину ночи шёл снег, и сугробы завалили двери барачков, захлестнули дорогу, ведущую к шахтам...»⁹; «Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу»¹⁰. Снег в лагере ассоциативно связывается с ощущением родной земли, с родиной и домом. Тем самым реализуется одно из ведущих свойств мифологема – тождество противоположностей. Жена Березкина пишет мужу о снеге, окрашивающем воду и небо в синий цвет. Она пишет о счастье, плачет от горя, от красоты, от яркости красок. В романе снег представлен в значении «саван земли», что символизирует смерть и неподвижность. Об этом свидетельствуют образ заваленной грязным снегом Москвы и «пятна снега» в немецком лагере. В финале романа образы снега и снегирей становятся воплощением спящей, но яростной и сильной жизни. Лес, по которому идут герои, наполнился ожиданием весны и готов к пробуждению.

Образ земли-природы мифологизируется в объектах природы (степь, лес, луг, сад, тайга, степь) и локусах художественного пространства (Россия, Сталинград, Крым,

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Севастополь, Москва, Казань, Украина, немецкий лагерь, лагерь Дальстроя, Казахстан и др.). Образ юго-восточной, ковыльной калмыцкой степи противопоставлен хребтам Кавказа, морям и русскому лесу: «Калмыцкая степь! Древнее, благородное создание природы, где нет ни одной кричащей краски, где скупые озера, наполненные тёмной и спокойной древней водой, кажутся, выражают суть воды больше, чем все моря и океаны»¹. Мощь степи побеждает войну и смерть, а военное оружие «обрастает бурьяном»², покрывается пылью. В степи у Даренского обостряется чувство безысходности, потому что никто не знал о грядущем наступлении и настоящем положении войск.

Лётчик Виктор, оказавшись в лесу, чувствует любовь к родине: «Этот лес, озёра дышали жизнью Древней Руси, о которой Виктор читал до войны»³. Лес ассоциируется с человеческой жизнью и временем: «На душе становится беспечно, и поляна – как счастливый день в бедной жизни»⁴. Метафору «лес-жизнь» усиливает сравнение леса с морем или водоёмом: «словно со дна, сквозь высокий, толстый слой лесного воздуха смотришь наверх, плещут листья»⁵. Завершает роман образ пробуждающегося от зимнего сна леса, который наполнен и радостью, и болью: «Но в лесном холоде весна чувствовалась напряжённее, чем на освещённой солнцем равнине... В её безъязыкой немоте слышался вопль об умерших и яростная радость жизни»⁶. Снег знаменует вечный сон: «под снегом спала ушедшая жизнь»⁷. Свет и синева снега становятся единственными признаками неотвратимо наступающей весны. Это видят и чувствуют Березкин с женой: их воссоединённая семья – и есть весна новой жизни, которую они осознают в этом ещё зимнем лесу. Победившие войну, любовь и верность завершают роман В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Лес наделяется в романе признаками манящего и одновременно опасного «сказочного» пространства. Наум Розенберг и

команда пленных сжигают казнённых евреев. В эпизодах описания работы бреннеров происходит осквернение обрядов захоронения, принятых в человеческом обществе. Общие холмы-могилы – преступление перед Землёй-Матерью, которой русский человек с уважением и скорбью передаёт тело умершего человека. Пугающий и страшный лес вспоминает еврейский мальчик Давид, который вместе с другими пленными евреями едет навстречу своей гибели. Он помнит книжку, подаренную мамой: «мама купила ему книжку-сказку. На лесной поляне стоял серенький козлик, рядом тьма леса казалась особо злоеющей»⁸.

В тексте В. С. Гроссмана образ земли-природы при описании внутреннего мира человека сближается с мифологемой «земля» в значении «космос», «Вселенная»: «потухли звёзды на ночном небе»⁹. Вселенная внутреннего мира человека восходит к образам погасших космических тел: «солнце», «Венера», «Марс», «Юпитер»; безжизненных природных объектов: «листья», «цветы»; природных стихий: «вода», «воздух».

Образный блок родства 4. «Земля (народ, страна, государство)». Осмысление «земли» как «родины» свойственно и сидящему в немецком лагере меньшевику Чернецову, и командующему Новикову, и Даренскому, который в степи ощущает себя на краю русской земли. Толковый словарь С. И. Ожегова трактует понятие «родина» как «Отечество, родная страна. Место рождения, происхождение кого-нибудь, чего-нибудь, возникновение чего-нибудь»¹⁰. Словарь Д. Н. Ушакова даёт более подробное определение: «1. Отечество; страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит. 2. Место рождения кого-нибудь. 3. Место зарождения, происхождения чего-нибудь (переносное значение). 4. Место возникновения чего-нибудь (переносное значение)»¹¹.

Можно выделить смысловые компоненты земли-родины, ценные для русского человека: 1) родина как родная страна (земля); 2) родина как край отцов (место, где че-

¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2018. – 736 с.

¹¹ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008. – С. 569.

любок родился, где живут его родные и близкие); 3) родина как место возникновения чего-либо, колыбель; 4) родина как земля предков; 5) Родина, Отечество как страна, в которой человек родился и гражданином которой он является; 6) Отечество, отчизна (слова торжественной, возвышенной речи).

Синонимами понятия «родина» выступают слова «отечество», «отчизна», «родная сторона (сторонка)», «родной край», «родное пепелище», «колыбель», «родная земля», «дом», «мать»¹. С. В. Зеленко пишет о том, что в художественном мире писателя такое отношение к Родине, что начинаешь воспринимать её как «один из самых значимых субъектов в жизни каждого человека – матери (родительницы, кормилицы, заступницы, учительницы), которую необходимо свято чтить, любить, оберегать, заботиться о ней, что становится общегражданским неукоснительным долгом, неременной обязанностью, национально-идеологическим императивом» [27, с. 217].

Все эти герои – люди, способные осмыслить ход истории. Их восприятие «земли» синонимично слову «Отечество», однако воспринимать образ земли-родины они могут, потому что смотрят на происходящее со стороны. Понимания «земли» как страны, народа, государства нет у тех, кто находится в эпицентре Сталинградской битвы, и у тех, кто переживает войну как личную трагедию.

В романе появляется персонаж Долгорукий, который вернулся в Советский Союз из Швеции. Герой тоскует по родине, для которой он является инородцем, пасынком, чужим по духу: «В лагере он молился, дружил с сектантами и писал стихи мистического содержания».² Автор вводит в повествование образ пасынка времени: «Самое трудное – быть пасынком времени. Нет тяжелее участи пасынка, живущего не в своё время»³. В концлагере люди не могут прийти к взаимопониманию и спорят по принципиальным вопросам идеологии, морали, веры: «в этом густом смешении людей, объединённых ужасом, надеждой и горем, в непонимании, ненависти людей, говорящих на

одном языке, трагически выражалось одно из бедствий двадцатого века»⁴.

Сталинградский береговой откос, изрытый блиндажами, напоминает герою романа Крымову корабль: «Сталинградский береговой откос, часто и плотно начинённый блиндажами, напоминал Крымову огромный военный корабль, – по одному борту его лежала Волга, по другому – плотная стена неприятельского огня»⁵. В. С. Гроссман использует античную метафору «земля-корабль» (лирика Архилоха, Горация) для изображения военной реальности. Герой Крымов до приезда в Сталинград участвовал в обороне Севастополя и наделён «говорящей» фамилией. Полуостров Крым – важный топос для русского национального, исторического и территориального определения. Это пространство имеет символическое значение, которое раскрывают понятия «граница» и «край». Крым как крайняя южная точка России в национальном сознании актуализирует оппозиции: «своё – чужое», «рай – ад» и др. Крымов переживает тяжёлый период жизни (расставание с женой), а в Сталинграде его не приняли и не поняли. Эмоциональное состояние в Сталинграде он сравнивает с опустевшим колодецем: «Так пусто, вероятно, себя чувствует колодец, из которого вычерпали всю воду»⁶. Образ колодца – укрепленного срубом узкой и глубокой ямы – связывает героя с землёй, её силой, истоками.

Заключение. Анализ индивидуальности авторской картины мира В. С. Гроссмана позволил выделить мифологему земли, в которой заключены имплицитные лингвокультурные смыслы родства, которые укоренились в художественном мире писателя. Значения, которые были выделены в структуре мифологемы, выступают по степени частотности: «пространство родной земли» (46 %), «мать» (27,3 %), «родина» (17,3 %), «природа» (9,4 %).

Мифологема «земля» выступает как лингвокультурный комплекс смыслов, который можно представить в виде нескольких блоков дифференциальных признаков: пространство, мать; родина; земля – природа. Мифологема «земля» включает мифологический, образный, исторический смыслы, обнаруживающие этничность. Метафорический онтогенез мифологемы «земля» обо-

¹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник / под. ред. Л. А. Чешко. – М.: Рус. яз., 2001. – С. 436.

² Гроссман В. С. Жизнь и судьба. – М., 1989. – 740 с. – URL: <http://lib.ru/PROZA/GROSSMAN/lifefate.txt> (дата обращения: 10.03.2024). – Текст: электронный.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

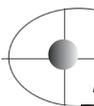
⁶ Там же.

значает её постоянное развитие, трансформацию. Родовые метафоры мифологемы земли транслируют внутреннее движение мифологемы на орбите исконных универсалий культуры. Художественные образы земли в художественном произведении определяются архетипами о матери-земле, защит-

нице воинов земли русской (гибнущих ради неё), кормилице, природе, родной земле как земле предков, на которой рождались многие поколения, о земле – родине, населённой одним народом, единым в своей вере защищать русскую землю, оберегать от инородцев и всего чужого.

Список литературы

1. Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa: Wyd. PEN, 1991. 146 p.
2. Klemperer V. LTI: Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam Verlag, 1975. 355 p.
3. Young J. W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991. 320 p.
4. Бонола А. Языковые формы тоталитарной и антитоталитарной коммуникации в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Вестник Томского государственного университета. 2017. Т. 420. С. 16–22.
5. Popoff A. Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven: Yale University Press, 2019. 424 p.
6. Anissimov M. Vassili Grossman: un écrivain de combat. Paris: Éd. Du Seuil, 2012. 873 c.
7. Ellis F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. 256 p.
8. Garrard J., Garrard C. The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vasily Grossman. N. Y.: The Free Press, 1996. 437 p.
9. A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945 / ed. A. Beevor, L. Vinogradova. London: Pimlico, 2006. 378 p.
10. Zhalieva Zh., Abdykadyrova S. Main Values of Wedding Traditions and Representation of Wedding Concept by Language Means // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8, № 1. С. 321–328. DOI: 10.33619/2414-2948/74/48.
11. Elina N. G. Vasilii Grossman. Jerusalem, 1994. 253 p.
12. Абдуллаева С. Н. Особенности жанрово-стилевой репрезентации авторской позиции в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Махачкала, 2022. 168 с.
13. Карпичева Н. Л. Проблематика и поэтика поздней новеллистики В. С. Гроссмана в контексте русской малой прозы 1950-х – первой половины 1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2008. 18 с.
14. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2004. 484 с.
15. Манджиева С. В., Халгаева Д. Д., Радченко Д. Н., Тюрбеева Б. А., Чудутова А. М. Специфика индивидуально-авторского концепта в современной научной парадигме (на примере коротких рассказов американского писателя Д. Чивера). Текст: электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK223.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).
16. Абдыкадырова С. Р., Назарова М. К. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 2-1. С. 110–114. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-110-114. EDN UVHMSL.
17. Адамчук А. А. Концепт и художественный концепт как лингвокогнитивные категории // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Евпатория, 7–8 октября 2021 г.). Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2021. С. 13–19. EDN XPGVHC.
18. Досматова Д. Н. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта «вера» // Вестник Ошского государственного университета. 2016. № 3–2. С. 210–211. EDN ZSMGCL.
19. Бородина Н. А., Казарина В. И. Концепт «самостоятельное перемещение агенса» как один из источников формирования неспециализированных структурных схем, репрезентирующих концепт «мыслительная деятельность» // Filologos. 2019. № 4. С. 19–25. DOI: 10.24888/2079-2638-2019-43-4-19-25. EDN GNYEXV.
20. Агаева С. Т. Концепт и его структура (на примере концепта «образование») // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1. С. 149–151. DOI: 10.26140/bgз3-2020-0901-0076. EDN HDSURB.
21. Милейко Е. В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования / Текст: электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11, ч. 3. С. 128–130. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2016_11-3_36.pdf (дата обращения: 24.04.2024).
22. Bartmiński J., Berezovich E., Vepreva I., Kovshova M. The Interaction of language and Culture in the Research Field: Boundaries and Prospects // Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. P. 1389–1408.
23. Bartmiński, J. Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora "europejski dom". Katowice: Śląsk, 2018. 68 s.

24. Пименова М. В. Соотношение терминов мифологема и символический макроконцепт // Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: материалы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 175-летию юбилею Абая Кунанбаева / сост. Л. Б. Алекшова, У. З. Джумагалиева, Ж. Е. Кенжебаева. Атырау: Атырауский гос. ун-т им. Х. Досмухамедова, 2020. С. 130–133.

25. Пименова М. В., Мошина Е. А. Мифологема Мать-сыра-земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 138–151. DOI: 10.17223/18137083/76/11. EDN JRTZGJ.

26. Мошина Е. А. Реализация метафорической модели ЗЕМЛЯ-МАТЬ в русской языковой картине мира // Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сб. науч. ст. к 30-летию юбилею С.-Петербур. ин-та иностранных языков. СПб., 2019. Вып. 23. С. 135–140.

27. Зеленко С. В. Образ Родины в гражданской лирике Александра Павловича // Русин. 2019. № 58. С. 216–227. DOI: 10.17223/18572685/58/14. EDN NKGJZC.

Информация об авторах

Вайрах Юлия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>.

Казорина Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>.

Вклад авторов в статью

Вайрах Ю. В. – основной автор, организатор исследования, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

Казорина А. В. – систематизировала и анализировала материал исследования.

Для цитирования

Вайрах Ю. В., Казорина А. В. Мифологема «земля» в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-8-19.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

References

1. Głowiński, M. Nowomowa po polsku. Warszawa: Wyd. PEN, 1991. (In Polish)
2. Klemperer, V. LTI: Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam Verlag, 1975. (In German.)
3. Young, J. W. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents. Charlottesville: University Press of Virginia, 1991. (In Eng.)
4. Bonola, A. Linguistic forms of totalitarian and anti-totalitarian communication in V. Grossman's novel "Life and Fate." Bulletin of Tomsk State University, vol. 420, pp. 16–22, 2017. (In Rus.)
5. Popoff, A. Vasily Grossman and the Soviet Century. New Haven, Yale University Press, 2019. (In Eng.)
6. Anissimov, M. Vassili Grossman: Un ecrivain de combat. Paris: Ed. Du Seuil, 2012. (In Eng.)
7. Ellis, F. Vasily Grossman: The Genesis and Evolution of a Russian Heretic. Oxford: Berg Publishers, 1994. (In Eng.)
8. Garrard, J., Garrard, C. The bones of Berdichev: The life and fate of Vasily Grossman. N. Y: The Free Press, 1996. (In Eng.)
9. A writer at war: Vasily Grossman with the Red Army 1941–1945. London: Pimlico, 2006. (In Eng.)
10. Zhalieva, Zh., Abdykadyrova, S. Main Values of Wedding Traditions and Representation of Wedding Concept by Language Means. Bulletin of Science and Practice, no. 1, pp. 321–328, 2022. DOI: 10.33619/2414-2948/74/48 (In Eng.)
11. Elina, N. G. Vasilii Grossman. Jerusalem, 1994. (In Eng.)
12. Abdullaeva, S. N. Features of the genre-style representation of the author's position in V. Grossman's novel "Life and Fate". Cand. sci. diss. Makhachkala, 2022. (In Rus.)
13. Karpicheva, N. L. Problematics and poetics of late short stories by V. S. Grossman in the context of Russian short prose of the 1950s – the first half of the 1960s. Cand. sci. diss. abstr. Magnitogorsk, 2008. (In Rus.)
14. Tarasova, I. A. Poetic idiostyle in the cognitive aspect: based on the poetry of G. Ivanov and I. Annensky. Saratov, 2004. (In Rus.)
15. Mandzhieva, S. V., Khalgaeva, D. D., Radochenko, D. N., Tyurbeeva, B. A., Chudutova, A. M. Specificity of the individual author's concept in the modern scientific paradigm (on the example of short stories by the American writer D. Cheever). World of Science. Sociology, philology, cultural studies, no. 2, 2023. Web. 17.10.2024. <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK223.pdf>. (In Rus.)

16. Abdykadyrova, S. R., Nazarova, M. K. Correlation of the concepts concept, artistic concept and intercultural concept. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 2–1, pp. 110–114, 2022. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-2-1-10-114. EDN UVHMSL. (In Rus.)
17. Adamchuk, A. A. Concept and artistic concept as linguocognitive categories. Formation of professional competence of a philologist in a multicultural educational environment: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Evpatoria, October 07–08, 2021. Simferopol: Individual entrepreneur Kornienko Andrey Anatolyevich, 2021: 13–19. EDN XPGBHC. (In Rus.)
18. Dosmatova, D. N. The concept of a concept and its evolution using the example of the concept "faith". *Bulletin of Osh State University*, no. 3–2, pp. 210–211, 2016. EDN ZSMGCL. (In Rus.)
19. Borodina, N. A., Kazarina, V. I. The concept of "independent movement of the agent" as one of the sources of the formation of non-specialized structural schemes representing the concept of "mental activity". *Philologos*, no. 4, pp. 19–25, 2019. DOI: 10.24888/2079-2638-2019-43-4-19-25. EDN GNYEXV. (In Rus.)
20. Agayeva, S. T. Concept and its structure (using the example of the concept "education"). *Baltic Humanitarian Journal*, no. 1, pp. 149–151, 2020. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0076. EDN HDSURB. (In Rus.)
21. Mileiko, E. V. Artistic concept as an object of linguistic research. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 1, pp. 128–130, 2016. Web. 24.04.2024. http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2016_11-3_36.pdf. (In Rus.)
22. Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M. The interaction of language and culture in the research field: boundaries and prospects. *Quaestio Rossica*, vol. 9, pp. 1389–1408, 2021. (In Ing.)
23. Bartmiński, J. *Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora "europejski dom"?* Katowice: Śląsk, 2018. (In Polish)
24. Pimenova, M. V. Correlation between the terms mythologem and symbolic microconcept. *Linguistics and literary criticism at the turn of the millennium: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 175th anniversary of Abai Kunanbaev / Compiled by: L. B. Alekshova, U. Z. Dzhumagalieva, Zh. E. Kenzhebaeva*. Atyrau: Atyrau State University named after. Kh. Dosmukhamedov, April 27, 2020: 130–133. (In Rus.)
25. Pimenova, M. V. Moshina, E. A. Mythologem Mother-moist-earth in the Russian linguistic picture of the world. *Siberian Philological Journal*, no. 3, pp. 138–151, 2021. DOI: 10.17223/18137083/76/11. EDN JRTZGJ. (In Rus.)
26. Moshina, E. A. Realization of the metaphorical model EARTH–MOTHER in the Russian language picture of the world. *Linguistics of the XXI century: traditions and innovations: a collection of scientific articles for the 30th anniversary of the St. Petersburg Institute of Foreign Languages*: 135–140. (In Rus.)
27. Zelenko, S. V. The image of Motherland in the civil lyrics by Aleksandr Pavlovich. *Rusin*, no. 58, pp. 216–227, 2019. DOI: 10.17223/18572685/58/14. EDN NKGJZC. (In Rus.)

Information about the authors

Vayrakh Yuliya V., Candidate of Philology, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University; 83 Lermontov st., 664074, Irkutsk, Russia; vayrakh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9811-525X>.

Kazorina Anna V., Candidate of Philology, Associate Professor, Irkutsk State University; 1 Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russia; anna-kazorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6751-8539>.

Contribution of the authors to the article

Vayrakh Yu. V. – the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

Kazorina A. V. – systematized and analyzed the research material.

For citation

Vayrakh Yu. V., Kazorina A. V. Mythologeme "Earth" (in the Novel "Life and Fate" by V. S. Grossman // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 8–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-8-19.

Received: April 10, 2024; approved after reviewing May 22, 2024; accepted for publication May 23, 2024.